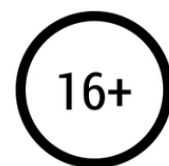

Владимир Зенков

Конфликт

Владимир Зенков

Конфликт

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Зенков В. В.

Конфликт / В. В. Зенков — «ЛитРес: Самиздат», 2005

Человек плохо ведает что он творит. Даже отчетливое ощущение того, что он делает очень важное дело, необходимое для развития и процветания целой планеты, может оказаться трагическим заблуждением и привести, увы, к смерти. Причем в последнюю минуту вполне разумный человек и истинный благодетель начинает понимать: нельзя вмешиваться в дела Всевышнего, мелко ты еще плаваешь, дружок! А вот коллеги твои, которых ты считал, скажем так, не слишком умными, вынуждены останавливать тебя, здорово рискуя жизнью собственной.

Конфликт

В низком зале, окруженном мраморной колоннадой, было душно, устоялся кислый запах вина и многочисленных блюд с едой. Духоту усиливал благовонный дым курильниц, он плавал в спертom воздухе плотными серо-голубыми слоями. В нем расплывались и дрожали огни многочисленных масляных ламп, красновато мерцали, скудно освещая пиршественный стол и сидящих за ним людей. Невидимая в полумраке копоть поднималась к потолку, безжалостно покрывая драгоценные расписные плафоны.

Веселье было в разгаре. Проворные виночерпии в белых хитонах шныряли вдоль столов с большими кувшинами, неустанно подливая в кубки харсейское и караклинское, душано и золотистый аникс, крепленный драгоценной живой водой. Вышколенные рабы столовой прислуги, в голубых, приличных, ниже колен, рубахах, не успевали подтаскивать оловянные и медные, тонкой работы, блюда с горами жареного мяса, колбас, деликатесных овощей, моллюсков, рыбы. Двое из них, пыхтя, несли огромный поднос с медовым пирогом в виде круглого храма Ан-Кумат. Румяная корочка удивительно точно воспроизводила колоннаду здания.

В дальнем конце стола, на возвышении, стояло резное кресло черного дерева, выложенное мелким речным жемчугом. Император Астурос Счастливым, преемник Посланника, вытянув на столе сжатые в кулаки руки, покрасневший и веселый, с удовольствием смотрел на пирующих. Обычно жесткое и подозрительное лицо его смягчилось, расплылось. На нем проступили, незаметные в будни, простоватость и добродушие.

Пировали по случаю восстановления императорского дворца. Только-только убежали мимы и акробаты, оставив после себя колеблющиеся огоньки ламп. Гости подпили изрядно. Кто-то уже затянул медвежьим голосом боевую песню. Не в силах выносить такую пытку, сосед поющего закричал:

– Архона, Архона сюда, пусть споет.

Астурос сделал лицо важным и значительным: отчего бы еще раз не послушать о своих великих подвигах. Несколько неуклюже сделал царственный жест – не привык еще, не научился. Хотя ежедневно по два часа с ним занимались двое рабов, специалистов по этикету, дело шло туговато. Не так-то просто вытравить из себя сотника портовой стражи.

Архон, не старый еще, но тощий и скрюченный, жадно поедая маринованных моллюсков – деликатнейшую пищу. Повинуясь жесту императора, вскочил, торопливо вытер грязные руки о седые неряшливые патлы. Бережно развернул зеленый шелковый платок, извлек из него лакированное, засветившееся дорогим красным деревом, тело конфура. Долго возился, пристраивая его на коленях, потом перебрал струны. Они зазвенели нежно и сильно среди затихающего шума. Неожиданно красивым и мощным баритоном Архон запел:

Когда созрела винная гроздь,
Когда жгучий Дерхон высушил головы мужчин,
И наполнил истомой и желанием сердца женщин,
Появилась в небе падающая звезда.

Гром ее поколебал землю древнего Астура.
Гнев Вышних сжег Гортонскую рошу –
Приют нечестивых и безбожных философов.
Боги вышли из пламени, велики ростом и светловолосы.

Милость их простерлась на бескрайний Астур.
Но сколь велик и разумен Астурос Счастливым,
Столь ничтожна, глупа, злонамеренна челядь
Почившего в славе Каргола.

Низки и мерзостны помыслы были презренного Корсу,
И в сонме светлых богов воцарились раздор и несчастье...

Файл 015 Arh.CS.GB

Патрик Роджер О'Ливи, 35 лет, десантник, капитан Корпуса дальней разведки Соединенного Британского королевства. Родом из города Дроэда. Отец – служащий транспортной компании «Лео», мать домохозяйка. Холост. Окончил Лондонскую Космическую академию. Сестра, Патриция Уормикс, замужем, домохозяйка, двое детей.

Высадка на Фроннере (класс «гуманоидные цивилизации»). Уровень развития социума – выше земного. Принцип развития живого на Фроннере аналогичен земному – борьба видов. Высокоразвитая цивилизация, в полной мере осознавшая суть жизни, ее смысл и уникальность и защищающая эту жизнь всеми доступными средствами.

Земная экспедиция, в силу недостаточного развития философской мысли, не смогла правильно спланировать линию поведения своих представителей, получила жесточайший отпор и погибла почти в полном составе. Из сорока человек в живых остались двое – младший пилот Патрик О'Ливи и филолог экспедиции Франсуа Лернэ.

Вторая высадка на Торрене-2, планете с бурно развитой жизнью, животной и растительной. Примитивная гуманоидная цивилизация на родоплеменном уровне. Нештатные ситуации: стычка с племенами, обитающими в лесостепной зоне северо-восточной части основного континента.

Заключение практической комиссии: Патрик О'Ливи – человек с сильным, но неуравновешенным характером. Отлично чувствует себя в острых ситуациях, мгновенно принимает единственно верные решения и так же быстро приводит их в исполнение.

При высадке на Фроннере он был оставлен в резерве, и только благодаря его быстрым и решительным действиям удалось спасти Франсуа Лернэ. Во втором случае из-за мягкотелости и нерешительности руководителя группы были поставлены в тяжелое положение 15 человек. О'Ливи проявил редкостную самостоятельность и бескомпромиссность, отстранив старшего группы и взяв на себя командование. Люди были спасены.

О'Ливи несдержан, обладает обостренным чувством справедливости. В отношениях с начальством резок и независим. Начисто лишен стремления делать карьеру. В силу склонности к острым ситуациям стремится создавать их.

Рекомендации: Патрик О'Ливи должен быть использован в особенно серьезных ситуациях, требующих мгновенных и радикальных решений.

Патрик О'Ливи уставил хищный нос в темноту, клубившуюся за остеклением кабины. По худому, с впалыми щеками лицу, стиснутому защитным шлемом, бегали цветные блики от дисплеев приборной доски. Патрик перевел взгляд на покачивающееся изображение красно-синего шарика авиагоризонта, потом на бегущие цифры вариометра. Считывающий автомат монотонно бубнил:

– Вертикальная скорость снижения пятнадцать метров в секунду. Высота пять тысяч метров, путевая скорость шестьсот километров в час, нагрузка на глайдере двадцать процентов. Шесть с половиной тысяч оборотов маршевого двигателя, остаток топлива восемьдесят процентов.

В кабине тяжелого десантного бота тесно, пахнет нагретой изоляцией, немного нитролаком и пластиковой обивкой. Рядом с Патриком, на месте второго пилота Петер Хольман, груз-

ный, добродушный, ворочается и вздыхает: ему тесно в узком кресле. Рассеянно поглядывает на гармошку аэрофотоснимков и путевой курсограф.

– Патрик, поверните три градуса влево.

О’Ливи, прищутив один глаз, закладывает сумасшедший вираж, перегрузка вдавлиывает всех в кресла. На курсографе вспыхивает алый транспарант «Тревога», коротко взрывается сирена, считывающий автомат злобно кричит:

– Внимание! Грубая ошибка – недопустимое отклонение от курса!

Хольман рассерженно бурчит:

– Патрик, вы с ума сошли!

Конопатая физиономия расплывается в довольной улыбке:

– Что, толстяк, жирок побеспокоили?

Сзади раздается негромкий голос Шатрова:

– О’Ливи, кончайте дуричь, немедленно на курс.

Ирландец мгновенно выправляет тяжелую машину, зевает и ворчит:

– Скучно, шеф. Ползем как на катафалке.

На приборной доске мигает транспарант, коротко гудит зуммер маркера. Автомат, словно дворецкий, торжественно провозглашает:

– Приготовиться к посадке!

О’Ливи командует:

– Ратнер, на место! Экипаж, садимся.

Ловкий и легкий Ратнер, повернув кресло от пульта энергетика, перебирается на откидное сиденье перед постом управления двигателями, кладет руки на сектора.

Стадвдцатитонная махина бота медленно ползет над рощей, маршевый двигатель звенит на малых оборотах. На концах крыльев вертикально поднимаются посадочные двигатели. В уши назойливо лезет голос считывающего автомата:

– Восемьсот оборотов маршевого двигателя, шесть с половиной тысяч на посадочных.

Нагрузка на глайдере девяносто процентов, путевая скорость тридцать километров в час, вертикальная скорость снижения полтора метра в секунду...

Ратнер, сидя между пилотами, осторожно работает секторами. О’Ливи через бортовой блистер напряженно всматривается в бешено струящуюся под выхлопами посадочных двигателей серо-зеленую массу листвы. Ослепительный свет фар наплывает на обширную поляну...

Никто ничего не успел понять. Стекла кабины вспыхивают ярким фиолетовым светом, огромную машину встряхивает и ощутимо подбрасывает вверх. Как всегда, быстрее всех среагировал ирландец: его рука ложится поверх рук Ратнера и мгновенно подает вперед сектор маршевого двигателя. Одновременно пальцы рвут скобу аварийного возврата посадочных. С громовым низким ревом, от которого дрожит земля, остроносая махина бота уходит почти вертикально вверх, исчезает в ночном небе тусклый свет выхлопа. Пылают во всю силу горящие деревья, и в панике уносятся от пожара зверье.

Перегрузка надежно уложила всех в кресла. Беднягу Ратнера вырвало из сиденьца, он перевернулся в воздухе и въехал в дверь пассажирского отсека вначале ногами, потом головой и затих, скрючившись на переборке.

На высоте двадцати километров опомнившийся Шатров командует:

– Довольно, Патрик. Переводите машину в горизонт и включайте малую орбиту. Мы и так уже черт знает, куда залетели.

О’Ливи плавно переводит бот в горизонт, возвращаются на место чудовищно отвисшие щеки, руки вновь приобретают способность двигаться. Тело Ратнера медленно сползает с переборки на пол, тут же Роберт Полянски, чертыхаясь, выбирается из кресла и выгребает содержимое аптечки на пол. Ловко стаскивает шлем, расстегивает молнии комбинезона. Ощупывает

руки, ноги, подносит к лицу тампон с нашатырем. Ратнер тяжело вздыхает, мучительно кашляет. Шатров раздраженно барабанит пальцами по краю приборной консоли.

– Что там с ним, Роберт?

– Нормально, шеф. Нос расквасил, ушибы. Шлем выручил, а то бы мозги растеклись по переборке.

Пришедший в себя Ратнер выдавливает сквозь кашель:

– Хренов ирландец, вот скотина...

О'Ливи равнодушно говорит:

– Когда работаешь на секторах, сынок, надо поднимать спинку сиденья. Красный рычаг слева для кого торчит?

Добродушный Хольман гасит конфликт:

– Не обижайтесь, Алекс. Патрик прав, в нашей работе нужно быть готовым ко всему на свете и каждую секунду. А кстати, коллеги, что это было?

Полянски наклоняется над своим пультом, мягкий зеленоватый свет выхватывает из полумрака его нежное лицо:

– Я успел включить анализаторы. Наличие в воздухе огромного количества эфирных масел.

Патрик издает замысловатый свист:

– Вот оно что. Ароматические растения. На Земле, говорят, есть такие. Помните неопалимую купину?

Шатров закряхтел:

– В отличие от неопалимой купины роща сгорела дотла. Черт, вот фейерверк устроили. Тоже мне, явились скрытно и тайно.

Хольман рассудительно говорит:

– Наплюйте, шеф. Кто же мог предусмотреть такое? Одной легендой больше, одной меньше. Все равно грохот нашей кастрюли полпланеты слышало. Не везет нашему «Тайфуну»: уже почти все более или менее серьезные коробки обзавелись полными глайдерами, а на нас все экономят.

Он наклоняется к компьютеру:

– Смотрите, ребята, – толстый палец тычет в экран, – здесь, у отрогов гористого плато, в речном дефилейчике есть уютное местечко. Никто нас там не увидит – место глухое. Включим «хамелеон», замаскируем кастрюльку и заживем как в сказке.

Он мечтательно вздыхает:

– Искупаемся, позагораем. Ребята, чем не Швейцария? За такую работу денежки надо платить, а не получать.

Шатров, перегнувшись в кресле, долго рассматривает картинки на дисплее, промеряет навигатором расстояния.

– Далековато, полста километров от города.

– Хольман с энтузиазмом говорит:

– А ничего, шеф! На платформе подбросим поближе наблюдательную капсулу, поднимем мачту с камерой, да и будем себе поглядывать. А понадобится крупноплановая съемка – запустим зонд.

После недолгого размышления Шатров командует:

– Задавайте курс, Хольман. Патрик, поехали.

Тяжелая туша бота зависла над пологим берегом реки. Заревели натужно посадочные двигатели, взлетели из травы тучи прошлогоднего праха, машина грузно осела на стойках шасси и наступила тишина.

Потрескивал звонко остывающий металл двигателей, где-то в утробе заканчивали свою работу роторы гироскопов, забирая все ниже и басовитей. Экипаж поспешно проводил после-

полетный ритуал, отключая системы и агрегаты. В тишине раздалось шипение уравнивателя воздушного давления, и на табло выскочила веселая зелененькая надпись: «Полет закончен. Кабина разгерметизирована».

О'Ливи открыл боковую форточку. Массивная рама, чмокнув уплотнителями, отъехала в сторону, и из непроглядной оконной черноты дохнуло густым пряным настоем диковинных трав. Несколько секунд все молча смотрели друг на друга. В резком свете потолочного плафона лица казались постаревшими и изможденными.

Хольман засуетился:

– Ну что, шеф, палаточку?

Шатров отрезал, открывая дверь пассажирского отсека:

– Никаких палаток. Поставить охранное поле, принять душ и всем немедленно спать.

Хольман разочарованно защелкал тумблерами охранного пульта.

Горное плато, поросшее косматыми лесами, уходило вдаль. На горизонте сине-зеленая поверхность его сливалась с туманно-голубой дымкой небес.

Каменистые отроги плато, иссеченные вертикальными складками, поднимались колоссальной стеной. По ней медлительно ниспадали нити многочисленных водопадов. Они сходились и расходились среди пышной ползучей растительности, зеленой пены кустарников, корявых деревьев с плоскими кронами, лепившихся на скалах. Ниже вся огромная масса воды низвергалась в каменную купель реки, радуга пронизывала облака водяной пыли.

Низменный берег порос невысокими кудрявыми деревьями. Нежная зелень их, озолоченная солнцем, была ярка, радостна – хотелось погладить ее рукой. Заливные луга с сочной травой усыпаны колками серо-зеленого кустарника, испятнанными мелкими бело-фиолетовыми цветами.

Пятеро долго стояли очарованные на треугольной плоскости крыла, усыпанной щедрой росой. Остроносое титановое тело бота, изъеденное эрозией и испятнанное побежалостью, улеглось в неглубокой лощине.

О'Ливи толкнул в бок Хольмана:

– Ну что, толстяк, вот картина, а? Здесь бы замок соорудить, да и жить бы в этом орлином гнезде.

Хольман покачал головой:

– Нет, друг мой. Это пейзаж для страстного ирландца. Другое дело – скромное шале где-нибудь в очаровательных горах Тюрингии. Маленький садик, немножко тюльпанов, – он подкатил глаза и сладко вздохнул, – вечером трубочка и неспешная болтовня с путником.

Полянски удивился:

– Черт возьми, Петер! Вы же не курите.

Хольман пообещал:

– Я закурю, Роберт.

Закрахтев, стал протискиваться в узкое отверстие аварийного люка.

– Нет-нет, ребятки, такая картина не для меня, – голос его превратился в невнятное бормотание и умолк. Потом донесся снизу – он спускался из фюзеляжа по люк-трапу:

– Я на такое величие могу посмотреть изредка. А жить среди него – увольте.

Он задрал к стоящим на крыле благожелательную розовую физиономию:

– На зарядку, ребятки, – и стал стаскивать с себя комбинезон.

Глубоко задумавшийся Шатров очнулся:

– Да, коллеги, пошли, разомнемся.

Заметно хекающий Хольман аккуратно приседал. О'Ливи развалился на крыле и, подперев подбородок руками, давал ему советы.

Шатров деревянным голосом произнес:

– Патрик, хотите пари на месячную зарплату – я отожмусь больше вас?

Хольман поспешно проговорил:

– Наплюйте на него шеф. И боже упаси с ним вязаться – он легко отжимается двести раз.

Ратнер, приседая, скручиваясь пружиной, стоя на руках, потрясенно думал:

– Какой край, какая дивная красота! И принадлежит все это болвану в грязном красном хитоне с золотой вышивкой.

Файл 0200 Arh. FS. GB

Александр Ратнер – бельгиец немецкого происхождения. Родом из Брабанта (г. Вилворде). Отец – Фридрих фон Ратнер, владелец крупного поместья неподалеку от Левен-Тинена, погиб при взрыве пассажирского глайдера. Мать – Анжелика фон Ратнер (урожденная Штаунбах) находилась в связи с председателем попечительского совета, которому, по завещанию Фридриха фон Ратнера, было доверено управление имуществом до достижения Александром совершеннолетия. В результате финансовых махинаций Пьер Даву присвоил основную часть имущества Ратнеров.

Анжелика замужем в Соединенных Штатах. Александр, перенесший душевную травму в результате смерти отца, поступил в католический коллеж. На втором курсе у него возникли серьезные трения с руководством коллежа.

Как объяснил Александр, смысл естественных наук, преподаваемых в коллеже, вступал в полное противоречие с богословскими дисциплинами.

Александр поступил в Парижскую Космическую Академию и закончил факультет навигации. Работал на внутрисистемных линиях пилотом, старшим пилотом, затем вторым помощником. С людьми сходится трудно, замкнут, впечатлителен. При этом чрезвычайно настойчив и упорен в постижении профессии. В Академии в совершенстве постиг боевые искусства, в спортивных схватках агрессивен и безжалостен.

Бросил хорошо оплачиваемую работу на коммерческой линии, был принят в Корпус внешней разведки вторым пилотом. Профессионал высокой квалификации, в совершенстве владеет пилотированием всех транспортным систем, находящихся на вооружении Космического корпуса.

Год назад подал рапорт о зачислении в десантную группу. Был зачислен, сильно потеряв в должности и звании. Сержант, десантник. Заочно изучает общую лингвистику и историю внеземных цивилизаций. В отношениях с коллегами сух, корректен, к начальству равнодушен.

Выводы практической комиссии: Александр Ратнер находится в стадии интенсивной стажировки, не рекомендуется доверять ему самостоятельных заданий.

Мягкий и сильный свет потолочного плафона падал на массивный письменный стол, эффектно освещал изысканно худую фигуру отца Доменика в белой сутане и белой ермолке, прикрывающей тонзуру. Углы кабинета, обшитого дубовыми панелями, тонули в полумраке. Золотисто-зеленоватый блик мерцал на поверхности старинного глобуса. Справа на стене скромно пристроился экран мощного УАСа. Слева – неярко подсвеченная голограмма, изображающая распятого Иисуса. Лицо актера, снятого в роли Спасителя, благостно-возвышенно. Декоративная кровь на челе под терновым венцом, выглядела даже привлекательно. Все это было до того ненатурально, что Александр сморщился как от зубной боли.

С едкой ненавистью подумал:

– Загнать бы тебе в запястья и ноги здоровенные железные костыли, да подвесить на них подышать на солнышке – посмотрел бы я, какая у тебя была бы благодатная физиономия. И до чего же святые отцы обожают всякую пошлятину.

Отец Доменик сложил тонкие пальцы шалашиком и тонко улыбнулся Александру.

– Сын мой, вы меня опять огорчаете. Теперь у вас конфликт с отцом Августином. Вы не находите, м-м... что это становится слишком частым? О да, конечно, мы допускаем некоторую фронтальность – молодость есть молодость, но всему же есть предел.

Александр набычившись смотрел на патера:

– Святой отец, преподобный Августин не смог ответить на самые элементарные детские вопросы.

Доменик поджал губы, лицо его стало жестким:

– Вопросы, которые вы задаете преподавателям, отнюдь не детские. Вы, как неразумный ребенок, пытаетесь сломать сложнейший механизм, чтобы посмотреть, как он устроен. Но понять его устройство вы не в силах, поскольку ваш разум ограничен. До вас это пытались сделать многочисленные критики. Имя им – легион, но толку от их трудов никакого. Люди верили и продолжают верить. И Церкви нужны верующие пастыри, а не аналитики религии. Я не корю вас – истинная вера дается немногим. Давно присматриваюсь к вам: вы сильный человек уже даже потому, что открыто выражаете свои сомнения. Но... – Доменик слегка наклонился вперед и мягко сказал:

– Я думаю, вам стоит оставить коллеж. Ступайте в мир, займитесь делом, которое вам по душе. Как знать, может к вам придет настоящая вера. Но до тех пор ваше присутствие здесь, простите, нежелательно. Ступайте с миром, сын мой.

Отец Доменик был неправ: Алекс вовсе не считал себя сильным человеком. Более того, он ненавидел сильных людей, их уверенность в себе, их дорогу, по которой они следовали, не ведая и тени сомнений. У них-то все получалось гладко. Они окружали его на каждом шагу: веселые мускулистые парни с темпераментом стоялых жеребцов в Академии. Вылощенные шикарные офицеры на туристических лайнерах внутрисистемных линий. Каждое их появление среди пассажиров было событием: с таинственных служебных палуб спускались стройные мужчины в невероятно элегантных мундирах – уверенные в себе небожители, иронично-благожелательные и изысканно-вежливые. Молодые девчонки начинали интенсивную стрельбу глазками. Дамы при возрасте действовали круче: хлопались в декоративные обмороки, требуя немедленного вмешательства господина офицера.

А совместные обеды пассажиров и офицеров экипажа на круизных рейсах: серебро сервизов на белоснежных скатертях, мерцание свечей в хрустале. Ослепительно-белые, с золотым шитьем мундиры офицеров, невероятные туалеты дам.

Фрачные мужья снисходительно посматривали на флиртующих жен: здесь они были самые сильные. Им принадлежало все – и огромный, невероятно сложный лайнер, и все эти фазаны в мундирах. Для них работали сотни тысяч предприятий в Системе, для них поисковики рыскали по Галактике в поисках новых перспективных планет. Для них десантники тонули в ядовитых болотах этих планет, дрались с местным населением, приобретая славу свирепых и безжалостных завоевателей. Для них шли сухогрузы с неведомыми минералами, трюмы набивались контейнерами с новыми внетабличными элементами.

Алексу становилось худо от этого избытка сильных личностей, он ощущал себя маленьким и заброшенным. В памяти постоянно всплывала развеселая харя Пьера Даву, присвоившего деньги и имущество Алекса – огромные плантации по выращиванию овощей и фруктов, единственной индустрии, которая разрешалась на Земле. Все остальное давно уже размещалось в Системе. Тоже сильная личность, присвоить такие капиталы – голову надо иметь. И все

это из-за глупой старой курицы – матери. Алекс не выносил ее также как отец. Впрочем, все это было взаимно.

Отец – вот о чьей гибели Алекс глубоко и искренне горевал. Внешне предельно закрытый для всех, жесткий и нетерпимый, он был в глубине души чистым ребенком. С восторгом говорил о новых сортах редкостных овощей и фруктов, часами копался на личном экспериментальном участке. Немного стеснялся своего занятия, несвойственного Ратнерам, роду государственных чиновников и военных. Страшно гордился своими способностями к технике, которые унаследовал и Александр: «Я ее чувю, понимаю всеми потрохами».

У отца был целый парк глайдеров. Летом они улетали на глухие пляжи Нормандии или Балтийского побережья, (отец не выносил Юга). Жарили настоящее мясо на настоящих углях, дырявили пустые пивные банки из старинной пулевой винтовки, или жгли их из бластера. Гоняли мяч, ныряли с аквалангами в прохладные серо-голубые воды. И разговаривали, разговаривали... Отец читал ему древнегерманский эпос, увлеченно рассказывал о богах и героях. Зимой, где-нибудь на побережье Норвегии, они, подражая германским воинам, нагишом скачивались на пластиковых щитах с ледяных гор. При этом нужно было хохотать во всю глотку.

После первого такого спуска отец долго оттирал Алекса в салоне глайдера спиртом. Потом, однако, тот вошел во вкус и начал находить в этом странное удовольствие, что, безусловно, пошло ему на пользу.

Ах, отец, отец! После его смерти словно кто-то вырвал большую и лучшую часть его души.

Алекс глубоко вздохнул, отвлекаясь от невеселых мыслей. Снял бленды с мощного биноктара, из баллончика обдул сжатым воздухом огромные, отливающие янтарем линзы, и стал устанавливать его на штатив. На вершине невысокого холма подувал ветерок, шевелил листья приземистых корявых деревьев. Рядом у наблюдательной капсулы возился Хольман. Споткнулся о растяжку мачты, зачертыхался. Потом, словно медведь в малинник, ввалился в тесное помещение, стал настраивать аппаратуру наблюдения. Мачта и капсула, окрашенные маскирующей краской «Хамелеон», уже в пятидесяти шагах становились совершенно неразличимы.

Хольман весело крикнул:

– Камрад Ратнер, аппаратура готова!

– Хорошо, спасибо Хольман. Поставьте на автомат, я понаблюдаю через биноктар.

Ишь ты, «камрад». Хольман явно питал к нему определенное почтение как к представителю старинного немецкого рода. Впрочем, он был славный человек. Ратнер испытывал к нему даже нечто вроде симпатии.

Алекс не любил телесистемы наблюдения. На редкость яркое и четкое изображение, прошедшее через электронные потроха, теряло жизнь, воспринималось как картинка. То ли дело – старые добрые линзы.

Город возвышался на холме у широкой полноводной реки, в самом ее устье. Километрах в пяти, ниже по течению, накатываясь на широкую береговую полосу, шумели волны моря.

На самой вершине холма – императорский дворец из сероватого с красными искрами камня. Гармоничные здания, окруженные колоннадами, поразительно напоминали греческие и римские постройки Земли. В купах пышной зелени, уступами по склону холма спускались богатые кварталы, сменяясь глинобитными лачугами бедняков.

Наблюдательный пост находился как раз напротив порта: по широкому заливу, словно медлительные жуки-водомерки, скользили гребные суда. У пирсов теснились корабли всех мыслимых форм и размеров. Алые, белые, синие, желтые паруса богатых судов вспыхивали радостными пятнами на фоне зеленоватой глади. У берега грязной пеной качались рыбацкие суденышки с просмоленными тряпками на мачтах.

Алекс прильнул к окулярам биноктара, стал медленно вращать кремальеру. Ух, ты, какая фигура: здоровенный, в алой рубахе до колен, в медном, низком шишаке и с такой же медной рожей. Стоя на корме галеры, закинулся – видно орал что-то широко разинутым ртом. А вот голый по пояс, жилистый, словно сплетенный из стальных тросов, тянет какой-то фал. Важная военная персона: в панцире из толстой кожи, усеянном серебряными бляхами, в синей длинной тунике, надвинул важно на нос, сияющий медный шлем и угрожающе положил руку на рукоять короткого кривого меча.

Почти голые рабы, перетаскивающие по сходням огромные глиняные кувшины, неспешные портовые чиновники в желтых одеяниях, степенные купцы в хитонах из дорогих тканей, портовые оборванцы, шлюхи с обнаженными грудями – какая могучая, яркая и выразительная жизнь!

Алекс с трудом оторвался от биноктара. Что-то холодненькое зашевелилось внутри, какая-то странная догадка просилась наружу. Мир этот совершенно очаровал его, но нельзя сказать, чтобы присутствие земной экспедиции здесь нравилось ему.

Вчера он увидел императорский выезд. Наблюдать его пришлось по телесистеме, она давала более крупное увеличение и позволяла легко менять планы.

На обширном, вымощенном каменными плитами, плацу был выстроен почетный караул: три «коробки» двадцать на двадцать воинов. Они стояли, соблюдая почти идеальное равнение – маленький зонд позволял взглянуть на это зрелище сверху. Каждая «коробка» в одежде своего цвета: синей, желтой и алой.

Воины в толстых кожаных панцирях, усыпанных железными пластинками, офицеры в сияющих медных кирасах и шлемах с плюмажами. У всех короткие мечи, у солдат еще и недлинные копья. По неслышному сигналу офицеры отсалютовали мечами, начались сложные перестроения. Выполнялись они на редкость согласованно. Вероятно, воинское искусство было здесь на высоте – существовал воинский строй и управлялся он безупречно.

Из темноты колоннады, весь ослепительно белый, с широкой синей каймой по краю замысловатой драпировки, и с венком из синих крупных цветов на черной курчавой голове, появился император – низенький толстый господин. Выражение лица его, украшенного крючковатым носом и толстыми губами, поразило Алекса – совершенно плутовское и простонародное. Он темпераментно жестикулировал, обращаясь к своей пышной свите. Судя по напряженным и слегка презрительным лицам придворных, он им здорово не нравился. Но императору было, видимо, наплевать на это. Неуклюже, как последняя деревенщина, он взобрался на золоченую колесницу, и кортеж втянулся в ворота.

Эге, – размышлял Ратнер, – царек-то, похоже, временщик – даже отсюда видно. У них, скорее всего, какие-то нелады во власти.

Вечером он доложил Шатрову о виденном. Тот задумался. Хольман возился у потрескивающего костерка, разогревая мясные консервы. О’Ливи, балагурия, вскрывал банки. «Сладкая парочка» интенсивно использовала для отдыха каждую свободную минуту. Полянски, в слабо освещенной кабине бота, возился с сервоприводами грузового люка. Створки его с урчанием разошлись, и из брюха машины опустилась, блеснув остеклением, чечевица боевого глайдера, мгновенно покрывшись камуфляжными пятнами. Полянски, высунувшись в открытую форточку кабины, крикнул:

– Петер, отгони глайдер в сторону, мне надо люк закрыть!

Хольман, вытирая руки салфеткой, с готовностью затрусил к машине.

Шатров крикнул:

– Роберт, спуститесь вниз, надо посоветоваться!

– Сию минуту, шеф. Только люк закрою.

Шатров коротко доложил о выводах Ратнера.

– Что будем делать, джентльмены?

О'Ливи пожал плечами:

– Как что? Выполнять приказ: внедриться и произвести разведку на месте.

Полянски раздраженно стегал прутиком по высокому ботинку:

– Приказ, конечно, есть приказ, но я абсолютно не представляю на кой черт, простите шеф, нас сюда послали. Изучать цивилизацию? Но среди нас нет ученых, мы обыкновенные костоломы. Устанавливать контакты? Для этого есть Комиссия по контактам. Шеф, мы не дети, прекрасно понимаем, что вся работа сейчас идет на орбите. С «Тайфуна» планетологи зондируют этот Астур, ищут редкие минералы и внетабличные. Главам корпораций глубоко наплевать на все цивилизации вместе взятые, кроме своей, конечно. Слабее нас – дадим по морде и заберем, что нам надо. Сильнее нас – получим сами и больше не сунемся. Вот и вся философия. А нашу группу послали так, без определенной цели, для отмазки.

Нагрянет с ревизией чиновник из Комиссии по контактам, который, кстати, не хуже нашего начальства понимает эту философию, а ему отчет. Вот, пожалуйста, исследовательский минимум провели, обстановку изучили на месте. Документы и видеосъемка прилагаются. А он скажет: молодцы, с задачей справились. Не здорово там нашкочничали?

Наша группа – крошечная бюрократическая закорючка, микроскопическая уступка, якобы, общественному мнению. Хотя кого оно когда волновало это общественное мнение? Да и есть ли оно вообще?

Шатров вздохнул:

– Успокойтесь, Роберт. Множество военных во все времена задавали себе подобные вопросы: на хрена кому это нужно? Мы не исключение, поэтому, следуя мудрому совету Патрика, будем внедряться. Вопрос в том – кто пойдет? Я не могу, поскольку мне, как командиру, отдуваться за все на свете. Хольман крайне необходим здесь, без связи мы не можем остаться. Роберт, извините, вы хотя и назвали себя костоломом, но до этого почетного звания вам расти и расти. Патрик не подпадает ни под один тип, существующий на планете, похоже, здесь вообще нет рыжих. Остается Ратнер, – Шатров вопреки себе, замялся так ощутимо, что всем стало неловко.

Проницательный Хольман поспешил сказать:

– Не волнуйтесь, шеф, мы все читали свои характеристики и рекомендации Практической комиссии. Такие пустяковые коды может взломать даже ребенок.

О'Ливи хохотнул:

– Хотите, шеф, дадим вам почитать вашу характеристику?

Шатров мрачно пробурчал:

– Вот прохвосты! – и, повернувшись к Ратнеру, – готовьтесь, Алекс. Роберт, вам два дня на шлифовку языка, поработайте с ним как, следует.

Выкатив налитые кровью глаза, уставя вперед, как боевой таран, могучий нос на тощей физиономии, Гастон Девиль, начальник курса, захлебывался трескучей скороговоркой:

– Это неслыханно! За всю историю нашей Академии это второй случай, когда третьекурсник нализуется до такой степени, что не может попасть пальцем в опознаватель!

– Ага, – мрачно думал третьекурсник Алекс Ратнер, – а в первом случае до такой степени ты наливался сам.

Тощий, носатый, с воинственным седым хохолком, Девиль поразительно напоминал рассерженного петуха, оправдывая свою кличку – Шантеклер.

– Черт возьми, Ратнер, вы же не в училище по подготовке докеров, вы в Космической Академии. Спиртное космонавтам запрещено безусловно. Мы закрываем глаза на употребление старшекурсниками легких горячительных напитков – организм нуждается в поднятии тонуса. Но надираться таким образом... Хотите взглянуть на себя, я вам покажу пленку, кото-

рую приложил к своему рапорту начальник внутренней службы. Это потрясающее зрелище, – Шантеклер помахал несколькими листками бумаги.

Опрохвостившийся курсант Ратнер сидел молча, внутренне сжавшись в болезненный комочек. Ему было мучительно стыдно. Стыдно не перед Девилем, плевать он хотел на этого ошпанного безмозглого петуха. Ему было стыдно вообще. Он знал, откуда взялся этот выбрык. То, что у других было совершенно естественным жизненным проявлением, Алексу давалось с огромным трудом, ценой невероятных душевных усилий. Например, эта неожиданная пьянка: любой из его сокурсников, проштрафившийся таким образом, через час забыл бы об этом. Алекс же и сейчас не мог избавиться от страха и стыда – мучительная похмельная депрессия превратила его в кучу нервного хлама.

И это при всем том, что ему удавалось производить впечатление жесткого и целеустремленного человека. Тяжкая и мучительная работа над собой давала знать – подсознание активно сопротивлялось нажиму и выкинуло, наконец, такой фортель.

Алекс, даже не переодевшись в штатское, отправился в турне по барам, хотя не имел к спиртному никакой склонности. Временами сознание отключалось, и он не мог вспомнить, что было в этих провалах.

Он вспомнил безумно дорогое кафе где-то в старом городе: улочка едва ли в пять метров шириной, замощенная сверкающими изразцами. Столики под крахмальными скатертями, кокетливые бордюры из живых цветов на крошечных балкончиках. И надменные, враждебные лица посетителей, сидевших за столиками на улице. Еще бы, среди этих крупных рантье никогда не появлялись пьяные курсанты Космической Академии, да еще в форме с многочисленными нашивками и шевронами. А еще с именем и фамилией над правым карманом.

Плохо ворочающимся языком он спросил у ближайшего соседа, где здесь туалет. Тот молча ткнул пальцем за угол: прямо к стене старинного особняка были прилеплены каменные писсуары – самая яркая приманка для туристов.

Алекс едва успел добежать до каменной чашки. Стоял блаженно задрав голову, таращась на лепной карниз. Совсем рядом, за углом, раздался пронзительный женский крик, в котором смешались страх и возмущение. Вот наказание, помочиться со вкусом не дают. Чертыхнувшись, он потащился за угол.

Два совершенно одинаковых голенастых парня с блудливыми глазами обрабатывали импозантную даму бальзаковского возраста, элегантно и дорого одетую. Один сзади придушил ее за шею, второй рвал роскошную сумочку на толстой цепочке. Цепочка оказалась прочной, парни замешкались. Алекс радостно пробормотал:

– Бросьте ее, ребята, пойдём лучше выпьем.

Взгляд бегающих глазок враждебно уперся в неожиданную помеху, в руке одного из близнецов появился пружинный нож. Звонко щелкнув, выскочило отточенное до бритвенной остроты лезвие.

Алекс мгновенно остервенился: нож, зазвенев, ударился в кирпичную стену, парень завыл, баюкая сломанную руку. Второй, получив в солнечное сплетение ужасный удар ногой, опрокинулся навзничь и затих.

Не слушая благодарностей растрепанной женщины, герой быстренько вернулся к столикам, порядком протрезвев. Расплачиваясь с официантом, показал за угол:

– Там дама, помогите ей и вызовите полицию, пока грабители не в состоянии двигаться.

Вспыхнул экран УАСа, на нем появилась мордашка секретарши с ослепительной улыбкой:

– Капитан, с вами хочет говорить комиссар полиции.

Шантеклер поспешно отключил внешние динамики и взял трубку. С экрана уставились пронзительные глаза под кустистыми седыми бровями. С серебряной шевелюрой, с обвисшими

бульдозными щеками и короткой щеточкой усов, комиссар что-то неспешно и отчетливо говорил, постукивая ногтями по крышке стола. У Ратнера внутри оборвалось:

– Черт, что же я натворил, если сам комиссар звонит нашему петуху?

Физиономия начальника курса последовательно изобразила важность, уважение к собеседнику, величайшее почтение и, наконец, полную растерянность:

– Да, господин комиссар. Есть, господин комиссар, он как раз у меня. О да, конечно, кто же не знает господина депутата Мартэна? Что, мадам Мартэн? Боже, какой ужас! И где, кафе «Сюзерен»? В этих местах отродясь не было никакой швали. Что вы говорите? Нет-нет, я горжусь своими мальчишками. Мадам Мартэн настоятельно требует поощрения? Конечно, непременно, на первом же общем построении Академии. Мои наилучшие пожелания, господин комиссар.

Девиль раздраженно бросил трубку и проворчал:

– Воистину, Бог печется о дураках и пьяницах. Мадам Мартэн, жена депутата, требует вас поощрить, вы, оказывается, успели спасти ее от грабителей.

Со вздохом опустившись в кресло, Шантеклер потерял свой могучий нос:

– Я хотел вышвырнуть вас с курса, мадам требует вас поощрить. Поступим мудро: я прощаю вам попойку, но на большее не рассчитывайте, супермен. И запомните накрепко, Ратнер, вы у меня на крючке. Еще одна какая-либо выходка и, оп-ля, я вас подсекаю. И тогда не ждите пощады. Проваливайте.

Пришедший в себя Алекс вежливо сказал:

– Благодарю вас за доброе сердце месье Девиль, однако, боюсь, ваш крючок заржавеет – я не дам себя подсесть. Прощайте, месье Девиль.

Шантеклер вскочил и заорал:

– Не смейте называть меня «месье». Я приказываю называть меня капитаном!

– Отворяя дверь, Алекс ехидно улыбнулся:

– Мы не в армии, месье. А ваши древние воинские звания меня не интересуют.

Постоял секунду, заговорщицки глядя на смеющуюся в кулак секретаршу и слушая доносившиеся из кабинета вопли:

– Наглец! Хам! Молокосос! Алкоголик! Я тебя в лечебницу упеку!

Ратнер глубоко задумался, глядя на экран компакта, на котором мельтешили тексты словаря. Он сидел за легким столиком под плоскостью бота. Здесь было прохладно, подувал веселенький сквознячок.

С того случая в Академии прошло много лет, Алекс достиг определенных успехов во внутреннем строительстве. Он хотел стать сильным человеком, бросил престижную работу на коммерческих линиях, перебрался в десант. И отлично понимал уже, что все это не нужно. Это было романтическими бреднями, стремлением доказать самому себе – «я чего-то стою, я – личность». Для окружающих же людей это была профессия, они попросту не могли жить иначе. Они находили эту профессию скучной, тяготной, не бог весть как оплачиваемой. Всякого рода опасности были для них каждодневной осточертевшей рутинной. Поэтому Хольман и О'Ливи с таким наслаждением удили странных шипастых рыб, довольно вкусных, впрочем, грели консервированные бифштексы на костерке и внимательно присматривались к живности, собираясь поохотиться. Они наивно, но вполне серьезно считали нынешнюю высадку бесценной наградой за многолетний тяжелый труд.

У Алекса же, в результате внутренней неопределенности, постоянно появлялся образ каких-то двух колоссальных муфт, которые должны соединиться с помощью многочисленных выступов, выборок, зубьев. Вот-вот, щелкнув, соединятся все эти зубья, штоки войдут в отверстия, рычаги заскользят по кулисам. Два колоссальных цилиндра соединятся намертво и

победно завоюют, набирая огромные обороты и вращая вокруг себя воздушные вихри. Но пока цилиндры нехотя вращались с разной скоростью, скрежеща несопадающими выступами.

Лишь при высадке на Астур у него что-то зашевелилось внутри, возникло ощущение каких-то предстоящих удивительных перемен. Он бережно и тихонько нянчил в себе это ощущение, боясь даже обрадоваться.

Полянски притащил целый ворох местного тряпья, наскоро изготовленного на «Тайфуне», озабоченно сказал:

– Алекс, вы не потянете на гражданина Империи. Вам лучше сыграть варвара, состоятельного, скучающего бездельника, скажем, из северного соседа Империи – Лоэла. Лоэл в достаточной степени «астуризирован» и считается здесь вполне цивилизованным государством.

Он выругался:

– Черт бы их побрал, этих аборигенов, никакой фантазии: планета – Астур, империя – Астур, императоры – все поголовно Астурсы. Разница лишь в прозвищах.

– Не берите в голову, Роберт, – благодушно сказал Алекс, перебирая тряпки, – слушайте, как же я буду в этом ходить?

Он разделся, примерил на себя нечто вроде хитона из голубой ткани с бронзовыми застежками на плечах. Проходивший мимо Патрик заржал:

– Алекс, черт возьми, как вы милы в этом голубеньком платьице! И цвет какой многозначительный. Жаль, что я не гомик.

Ратнер кокетливо приподнял кончиками пальцев подол хитона и сделал глубокий книксен:

– Не расстраивайтесь, кавалер. Я не люблю рыжих.

– Слушай, Роберт, смех смехом, но я чувствую себя совершенным идиотом в этом одеянии. Да и выгляжу, вероятно, так же. А вдруг придется драться или бежать? Любой кретин сразу поймет: вот кто-то подозрительный вырядился в местную одежду. А пожалуйста-ка, голубчик, в полицию, или что там у них есть.

Полянски огорченно вздохнул:

– Да, Алекс, в этих тряпках нужно родиться и жить долго-долго, чтобы чувствовать себя комфортно. Ума не приложу, как выйти из положения.

Подошедший Шатров долго щурил жесткие светлые глаза, поскреб затылок и злобно сплюнул:

– Похоже вы правы, Роберт: в жизни у меня не было такого идиотского задания. Алекс, наденьте шорты, майку, на случай холода возьмите свитер и куртку. Не будем ломать головы, в конце-концов мы военные, а не Комиссия по контактам. Здесь такая разношерстная публика – одним раритетом больше, одним меньше. Никто и внимания не обратит. Обязательно наденьте гарнитуру связи – вполне сойдет за какое-нибудь дурацкое украшение. Кстати, вы должны произвести впечатление богатого человека, – Шатров кинул Ратнеру увесистый кожаный мешочек, – и вот еще что: снимите штатные часы – вас примут за колдуна.

Он расстегнул браслет золотого «Ролекса»:

– Возьмите. Есть у кого перстень?

Хольман огорченно вздохнул и затрусил к боту. Вернулся с крупным опалом в золотой оправе:

– Берите, Алекс. По возможности не потеряйте, это память.

О’Ливи присвистнул:

– Ах ты, гамбургер! Это что, память о какой-нибудь богатенькой Лореляй?

Шатров продолжал:

– Из оружия, к сожалению, ничего не могу вам предложить, кроме ножа. Возьмите свой штатный НВ. Патрик, завтра утречком высадите его неподалеку от порта. Будьте с ним на связи.

Алекс, на территорию порта попадете через корабельное кладбище – там обычная гражданская охрана. С вечера они надираются так, что продирают глаза к полудню. В порту своя стража, но если пойдете через кладбище, вас не засекут. Днем там болтается куча всякой шпаны – будьте осторожны. При выходе из порта вы должны заплатить пошлину, серебряные монеты во втором отделении кошелька. Отдадите одну монету. В городе осмотритесь, найдите какой-нибудь постоянный двор поприличней. Походите, поглазейте, но не высовывайтесь. С Богом!

С залива наплывал ощутимый туманчик, было свежо. Неподалеку таяли в молочных струях фантастические очертания огромных шпангоутов, ломаных мачт, полуразрушенных корпусов. Алекс выпрыгнул на мелкую гальку, прислушался. Лениво шлепали мелкие волны, визгливо орали какие-то морские птицы.

Невыспавшийся и поэтому хмурый О’Ливи, отчаянно зевая, пробурчал:

– Не забывай регулярно выходить на связь. Я буду там, – показал на невидимый в тумане холм, – если понадобится, свистни. Пока, до связи.

Он захлопнул люк, серо-желтая чечевича глайдера подпрыгнула и заложила такой вираж, что застонал испорченный воздух, закружились следом туманные вихри.

Алекс забросил за плечо сумку с барахлишком и бодро зашагал по заскрипевшей гальке к кладбищу. Чувствовал он себя на редкость хорошо, словно в далеком детстве отправлялся в соседнюю деревню: красненькие черепичные крыши, цветочные бордюрики на дубовых дверях с сияющими медными ручками, газончики, светящиеся нежной зеленью – их всегда хотелось погладить. Толпы туристов на аккуратных улочках, выложенных узорчатой плиткой, заманчивый треск, грохот и музыка луна-парка на деревенской площади. Все обещало радостные приключения и всякие невероятные вещи.

– Гляди, Арко, вот так пугало! Что на нем за тряпье? А на ухе – украшение или амулет? Смотри-ка, от уха дужка, а перед ртом на ней камешек что-ли. А может зерно? Браслетик богатый, чистое золото. И камешек на пальце – я таких не видывал. Ах, жалко, хозяин с нами. Сейчас бы зайти тихонько сзади, да шестопером по макушке. Камень на шею – и концы в воду. Ох, пожили бы!

– Тихо ты, Огрызок. Распустил язык, не ровен час, услышит кто. А у хозяина глазки забегали, видать тоже что-то присмотрел себе. Великий Кумат, – здоровенный бугай Арко набожно подкатил черносливины глаз, – грех, грех такого птенчика не ощипать. Вот ведь дурак, без всякой охраны, без рабов – сам просится в руки.

Крепко стоял на волосатых кривых ногах, обутом в новехонькие сандалии, уважаемый и влиятельный человек Фату. Дорогой шерстяной хитон обтягивал его толстый сытый живот – признак большого достатка. На шее массивная золотая цепь, пальцы унизаны перстнями. Жалкие остатки курчавой шевелюры и черная борода обильно смазаны фруктовым маслом. С ним три человека охраны, людей верных, тертых, побывавших не в одной потасовке. Богат, богат был Фату, бывший раб, вольноотпущенник, с потрохами купивший собственного господина, а ныне купец – солидный, важный, заседавший в купеческой троме. Никто, никто не знал, что его людишки промышляют грабежом, воровством, опаивают в кабаках моряков и продают их в рабство. Хе-хе, нельзя пренебрегать в этой жизни ни единым грошиком. Сколько уж лет прожил Фату, а за всю жизнь не нашел на земле ни единой монетки. Самому, самому надо добывать их.

Вот, пожалуйста, какой щенок стоит: светловолосый красавчик, широкий в плечах, тонкий в талии, как южная девушка и мускулистый, как молодой бог. За такого любая богатая

женщина никаких денег не пожалеет. Надо бы проследить за этим мальчиком, жалко нельзя сейчас им заняться – народу многовато для такого дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.